

АГНИЯ
КУЗНЕЦОВА

Издательство "Детство" Ленинград

Агния Александровна Кузнецова (Маркова)

Жизнь зовет

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=266822

Кузнецова А.А. Собрание сочинений в 3 томах, т.3: Детская литература; Москва; 1984

Аннотация

«... В дверь стучат. Павел вздрагивает (он вздрагивает теперь от каждого неожиданного звука), спрыгивает с подоконника и идет к двери.

Круглолицая молодая женщина с небольшой кожаной сумкой через плечо спрашивает строгим голосом:

– Огнев Павел Николаевич здесь живет?

У Павла останавливается дыхание. Он знает – неизбежна еще одна страшная страница жизни. Эта женщина принесла ему повестку в суд.

– Пятнадцатого июля, в девять часов утра! – говорит женщина. – Вот здесь распишитесь.

Она подает ему коротенький карандаш и показывает на край повестки, отделенный тонкой полоской мелких дырочек.

Павел отходит от двери, забывая не только замкнуть ее, но даже прикрыть. Так и остается она раскрытой, изредка тихо и жалобно поскрипывая. ...»

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	8
3	10
4	12
Глава вторая	16
1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Агния Кузнецова

Жизнь зовет

Глава первая

1

«Жизнь у людей проходит по-разному. Иным она бывает ласковой матерью, иным всегда жестокой мачехой», – шепотом читает Павел. Он закрывает книгу и задумывается, устремив невидящий взгляд в ясное небо. Он сидит на подоконнике, привалившись спиной к косяку окна, приминая накрахмаленную белую занавеску.

Летний ветер врывается в комнату, разбивает упрямый хохолок коротко стриженных темных волос мальчика, пытается разгладить бледное, незагорелое лицо. Павел снова открывает книгу и перечитывает поразившую его фразу. Ему кажется, что строки, где жизнь сравнивается с жестокой мачехой, написаны для него. Его смущает только слово «всегда». Может быть, когда-нибудь и у него опять все будет хорошо, как прежде, как у его одноклассников и мальчишек со двора.

– Нет, никогда не будет, – шепчет Павел. Ему кажется, что он постарел.

В дверь стучат. Павел вздрагивает (он вздрагивает теперь от каждого неожиданного звука), спрыгивает с подоконника и идет к двери.

Круглолицая молодая женщина с небольшой кожаной сумкой через плечо спрашивает строгим голосом:

– Огнев Павел Николаевич здесь живет?

У Павла останавливается дыхание. Он знает – неизбежна еще одна страшная страница жизни. Эта женщина принесла ему повестку в суд.

– Пятнадцатого июля, в девять часов утра! – говорит женщина. – Вот здесь распишитесь.

Она подает ему коротенький карандаш и показывает на край повестки, отделенный тонкой полоской мелких дырочек.

Павел отходит от двери, забывая не только замкнуть ее, но даже прикрыть. Так и остается она раскрытой, изредка тихо и жалобно поскрипывая.

* * *

Нет, неприятливо встретила Павла жизнь. Горькие раздумья, желание быть наедине с собой знакомы ему еще с двенадцати лет, с того самого дня, когда отец, которого он любил больше всех на свете и считал надежным другом, уехал, оставив навсегда его и мать.

До двенадцати лет жизнь Павла была полна безмятежной и безоблачной радости.

Они втроем – Павлик, отец и мать – жили в большой квартире на шумной центральной улице. В середине асфальтированного двора летом цвели цветы на круглой клумбе и тонкой струйкой бил фонтан из рук каменного мальчика.

Павел помнит, когда он был еще совсем маленьким, они с отцом часто гуляли по двору и прохожие с улыбкой провожали глазами эту забавную пару. Павлик был отцу до колена и держался рукой за его указательный палец. Отец был очень высокий и очень красивый, с голубыми глазами, правильными чертами лица и нежным, как у девушки, цветом кожи.

Жизнь отца, по мнению Павлика, состояла из двух равных частей. Одна заключалась в нем – маленьком Павлике. Она была светлой, веселой и очень важной. Другая, недоступная еще его детскому разуму, – жизнь полковника, связанная с ночными работами, поездками и полетами в Москву, с какими-то непонятными заседаниями, ученьями на полигонах.

Павлик, конечно, тоже мечтал быть военным. Пока же он довольствовался тем, что у него были защитного цвета китель и брюки, а в карманах и коробках хранились пуговицы с пятиугольными звездами, старыми погонами и колодочками орденских лент. В его распоряжении были две изношенные отцовские фуражки, которые по субботам он прятал, опасаясь, чтобы мать не выбросила их во время уборки.

Павлик не мог жить без отца, он скучал во время его отлучек. Ему казалось, что и отец не мог жить без него. Из Москвы он посылал Павлику посылки, телеграммы, разговаривал с ним по телефону.

Вскоре Павлик заметил в поведении отца что-то странное, в доме стало как-то не так. Вечерами отец стал все реже и реже оставаться дома. Мать, как и прежде, суежилась по хозяйству, но была молчаливой, грустной, часто задумывалась. Иногда, неожиданно обернувшись или внезапно вбежав в комнату, Павлик видел, как она поспешно смахивает с ресниц слезы. Вещи стояли на своих местах, но в комнатах не было прежнего уюта.

Не разумом, а сердцем почувствовал Павлик приближение какой-то большой беды. И эта беда наступила в один из весенних солнечных дней, когда в саду зацвели яблони, полетному защелкали птицы и аромат земли, распутившихся почек и еще каких-то неуловимых весенних запахов ворвался в окна, раскрытые впервые.

Отец уезжал в Ленинград. Не мать, как всегда, а он сам собирал чемодан. Не маленький коричневый чемодан, который обычно брал он в командировки, а большой – черный.

У отца дрожали руки, когда он притянул к себе голову сына и поцеловал в лоб. У Павлика тоже дрожали руки. Не понимая, но чувствуя, что происходит что-то страшное, он растерянно стоял у окна, вслушиваясь в замирающие тяжелые шаги на лестнице. Он слышал, как захлопнулась дверка автомобиля и сигнал насмешливо пропел: все-е!

Павлик оглянулся. Стояли те же массивные кожаные кресла, диван с зеленой бархатной подушкой, большой стол, шкаф с книгами. В пепельнице дымилась недокуренная папироса отца.

Вокруг была непривычная, нестерпимая пустота. Павлик не мог оставаться здесь. Он подошел к двери спальни, но дверь оказалась закрытой. Мать не выходила. Павлик ушел в свою комнату, заставленную всевозможными нужными ему вещами. Бесцельно он взял в руки рубанок, подержал его. Дотронулся до полки с книгами, снял какую-то книжку, но читать не мог. Он подошел к письменному столу, посмотрел на туго набитый портфель. Сегодня экзамен...

Он услышал звонок и пошел открывать двери.

На пороге стоял разгневанный Генка Соловьев. Генка улыбался во весь рот. А когда он улыбался, казалось, в нем смеялось все: и коротенький нос в коричневых веснушках, и хитрые зеленоватые глаза, и рыжие волосы, торчавшие задорно из-под кепки. Но улыбка мгновенно слетела с его губ, как только он встретился взглядом с глазами товарища.

– Ты чего, Павка? – заикаясь, спросил Генка.

– Голова болит... – Павлик провел по лбу дрожащей рукой.

– А как же арифметика?

– Ничего, как-нибудь.

На экзамене Павлика вызвали первым. Пережитые утром волнения сменились странным покоем, почти вялостью. Не торопясь он вышел к доске, положил билет на стол, около полной руки ассистента, перетянутой черным ремешком часов.

Ассистент (ребята знали, что он преподает физику в старших классах) внимательно посмотрел на мальчика. Сквозь толстые, выпуклые стекла очков глаза его казались строгими.

Павлик правильно решил задачу. Но, отвечая на последний вопрос, он вдруг опустил руку, мел выпал из пальцев. Подняв голову и приоткрыв рот, Павлик задумчиво устремил глаза поверх головы учительницы и замолчал.

– Дальше! – удивленно сказала учительница, глядя на него близорукими добродушными глазами.

Мальчик не слышал ее слов. На лице его замерло скорбное изумление, взволновавшее и учителей и ребят.

В этот момент Павлик думал об отце. Он вспоминал его слова, поступки и с недоумением ощущал в них и любовь и заботу о себе.

«Как же мог он оставить меня?» – спрашивал себя мальчик и не находил ответа.

Он вновь и вновь представлял прощание с отцом, его дрожащие руки, тревожные глаза, избегающие взгляда сына.

«Нет, он вернется, – успокаивал себя Павлик. – Как же он будет жить без меня? Чем займет те часы, которые мы были вместе – каждый день, вот уже двенадцать лет?»

– Огнев! Садись. Хорошо, – мягко сказала учительница.

Павлик вздрогнул, испуганно взглянул на учителей, на товарищей, но все сделали вид, что ничего не заметили. Он поднял мел, положил его у доски и, низко опустив голову, смущенно пошел на свое место.

И снова замелькали день за днем. Жить было по-прежнему интересно, каждый день был наполнен разнообразными событиями. Но часто в сердце Павлика закрадывалась странная, ноющая пустота, прежде ему неизвестная. В эти минуты он бросал веселые игры, задумывался во время разговора, уходил от товарищей.

Осенью, в одно из воскресений, Павлик собрался на рыбалку. Накануне он долго готовил рыболовные снасти, спать лег поздно и во сне увидел отца.

Отец стоял в его комнате, склонившись над верстаком, и отбирал из железной банки крючки для удочек.

«Вот этот хорош! Смотри какой!» – говорил отец, примеряя крючок к леске большими белыми руками.

«Хорош!» – согласился Павлик.

«А ничего не забыл? – спросил отец, поглядывая на стоящий в углу зеленый рюкзак. – И на меня захватил? Я ведь тоже пойду на рыбалку».

Павлик побежал в кухню, достал из буфета белый хлеб, коробку любимых отцом сардин, кусок колбасы. Вместе с отцом все это они уложили в рюкзак.

«А теперь спать! – скомандовал отец. – Если я первый проснусь – тебя бужу. Ты первый – меня будишь».

И он ушел, осторожно прикрывая за собой дверь.

«Проснусь первым!» – крикнул Павлик вдогонку отцу и бросился в постель совершенно счастливым.

...И он проснулся в хмурый, предрассветный час. Стрелки круглых часов на столе показывали четыре. В полумраке комнаты в углу стояли рюкзак и удочка. Может быть, в этот миг он еще не совсем проснулся или слишком ярок был сон... Осторожно ступая босыми ногами, чтобы не услышала мать, Павлик побежал будить отца. Он открыл дверь и замер на месте, приложив руку к груди и чувствуя, как стучит его сердце. Там, где когда-то стояла кровать отца, было пустое место, наспех заполненное стулом и маленьким столиком.

Первый раз с того дня, как уехал отец, Павлик неутешно плакал, пряча лицо в мокрую подушку.

– Павлик, голубчик мой! – тихо говорила мать, приглаживая его всклокоченные волосы.

Он поднял голову и отчужденно поглядел на нее. «Он тоже делал вид, что любит меня. Теперь я никому не верю. Никто не любит меня, и она тоже», – подумал он о матери.

Мать поняла его мысли и заплакала над тем непоправимым несчастьем, которое оскорбило лучшие чувства мальчика, поколебало его веру в близких людей.

Вскоре Павлик получил от отца письмо. Отец писал, что сын может выбирать, с кем жить: с отцом или с матерью. Если он решит ехать в Ленинград – пусть телеграфирует, и тогда отец приедет за ним. Он писал, что по-прежнему любит сына и скучает без него. Но пусть Павлик знает, что в Ленинграде отец живет не один...

Много раз перечитывал Павлик письмо отца. Со страхом его пробежала глазами мать.

– Ну и что же ты думаешь, Павлик? Ты ведь уж не такой маленький. Скоро тебе тринадцать... – сказала она, опускаясь на стул.

Стараясь не показать волнения, она низко склонилась над вязаньем голову с черными косами, уложенными венком. Но спицы не попадали в петли. Маленькая, худенькая, в пестром халатике, она в этот момент показалась Павлику несправедливо обиженной и страшно одинокой.

«Кто же поможет ей, кроме меня?» – с тоской подумал он.

Павлик не ответил отцу ни на первое, ни на второе, ни на третье письмо.

2

Павлик не доверял больше взрослым, зато он верил, и теперь глубже, чем когда-либо, в крепкую ребячью дружбу.

Был у него закадычный друг – Тышка. По-настоящему он был не Тышкой, а Яшкой. Но Яшка картавил, и ребята считали, что картавит он не от физического недуга, а от небрежности и торопливости речи. Часто он говорил: «бебята» вместо «ребята», «ченый» вместо «черный», «тышел» вместо «пошел», и за это получил прозвище «Тышка» – вместо Яшки. Тышка был на два года и на два класса старше Павлика, и поэтому все удивлялись их дружбе.

Тышка – высокий, широкоплечий; короткие черные волосы его курчавились, как у негра. Лицо широкое, скуластое, монгольского типа с небольшими умными, немного раскосыми глазами, такими черными и блестящими, что на зрачок в них нет и намека.

Друзья страстно увлекались спортом. У того и у другого на спинке кровати висело махровое полотенце для обтирания, а в углу лежали двухкилограммовые гантели для зарядки. Зимой Павлик и Тышка увлекались фигурным катанием на коньках.

В теплые зимние дни они уходили на лыжах в лес, катались с гор, устраивая трамплины; пробирались среди деревьев, и те обсыпали их снегом. Летом мальчики занимались греблей. Павлик был непревзойденным гребцом, а Тышка отставал от него. «Не подчиняется, чертова кукла, и баста!» – сердился он, когда быстрое течение поворачивало лодку не в ту сторону. Но зато во всей школе не было футболиста лучше Тышки! Мяч полностью подчинялся ему и летел туда, куда хотел Тышка.

Павлик во всем слушался своего старшего друга, даже не замечая этого.

Иногда вечерами мать Павлика появлялась в квартире Тышки. Они жили по соседству.

У дверей она спрашивала шепотом, нет ли здесь Павлика, и, получив отрицательный ответ, проходила в крошечную комнату с огромным роялем, полками, этажерками для нот и разговаривала о сыне.

– Трудно мне очень с ним, – как-то раз жаловалась она Тышке. – Ты бы, Яша, повлиял на него. На родительском собрании говорили, что он нагрубил учительнице по математике, а извиниться не хочет. Ты бы, Яша, настоял, чтобы он извинился.

Тышка задумчиво смотрел в сторону, на узком лбу его дрожала морщинка.

– А ведь Павка-то не очень виноват! – вдруг неожиданно сказал он. – Я знаю эту историю. Виновата математичка.

– Ну пусть не очень, – уговаривала Тышку Павликова мать. – Бывает, что учитель не прав потому, что вас сотни, а он один на всех вас разрывается.

– Хорошо, я поговорю с Давкой, – пообещал Тышка. – Но не знаю, сумею ли убедить. Вы сами понимаете: когда действуешь не от сердца, на успех трудно рассчитывать.

Тышка проводил ее до дверей и подошел к окну. Вскоре он увидел, как, оставляя следы на свежем снегу, бежал по двору Павлик в черной курточке и в физкультурных шароварах. В руках у него поблескивали коньки.

Павлик вбежал оживленный, разруганный морозом, потирая руки и приплясывая.

– Ну, сегодня холодновато! А я коньки тебе наточил. Смотри – здорово! – Он провел пальцем по острию коньков. – Ты один?... А зачем звал меня? Просто так или есть дело?

Тышка не успевал отвечать на вопросы друга.

Они поговорили вначале о всяких пустяках, потом Павлик попросил Тышку сыграть.

Тышка хорошо играл на рояле и мечтал стать музыкантом. Павлик любил слушать его, и слушал очень внимательно. В музыке он находил какой-то другой, непонятный мир. В игре Тышки больше всего Павлика интересовала быстрота, с которой летали тонкие, длинные пальцы по клавишам, и поэтому он всегда стоял за Тышкиной спиной и смотрел на его руки.

– И ты твердо решил ехать в консерваторию? – по крайней мере в десятый раз спросил Павлик.

Года два и даже год тому назад он все еще надеялся, что друг одумается и пойдет учиться в горный институт. Но теперь Тышка кончал десятый класс и все так же уверенно ответил:

– Только в консерваторию. – Он отодвинул ноты, закрыл крышку рояля и спросил: – Ну, как с математичкой?

– Все так же, – сказал Павлик и удивленно посмотрел на друга. Ведь еще вчера Тышка одобрял его упорство.

– Слушай, Павка, тебе надо конфликт этот ликвидировать! – Тышке понравилась сказанная фраза. Он почувствовал себя в роли учителя. – Видишь ли, бывает, что учитель не прав, потому что нас сотни, а он один на всех разрывается.

Павлик не смог вспомнить, где он уже слышал эту фразу.

Тышка безнадежно махнул рукой и добавил:

– Все равно прав будет учитель, а ты в дураках останешься!

Последнюю фразу он произнес с настроением, убежденно, и поэтому она дошла до сердца Павлика.

– Все это так, – сказал он, – но как извиняться? Так, что ли? – Он изящно изогнул корпус, приложил руку к сердцу: – «Надежда Федоровна! Извините! Нагрубив вам, я не сплю ночей. Я понял, что жестоко не прав!»

Тышка весело засмеялся, открыл крышку рояля, и густые аккорды пробежали по клавишам.

– Вот здорово получилось! – прислушался Павлик. – Ну совсем как у Мефистофеля из «Фауста».

– Наконец и до тебя дошла музыка! – опять засмеялся Тышка, теперь уже нарочно басом, снова порывисто и громко звуками клавиш подражая смеху. – И вообще, Павка, ведешь ты себя в школе незavidно. Матери твоей, наверно, стыдно на родительские собрания ходить. – Он бурно промчался по клавишам. – Хоть бы ты исправился, что ли...

Тышка вздохнул и исполнил какую-то мелодичную музыкальную фразу. Он закрыл рояль, встал и, зевая, потянулся, подняв кверху обе руки. Ему надоело читать нотации Павлику. «Как слону дробина», – подумал он и решил перевести разговор на другую тему.

Но слова Тышки задела Павлика, и ему захотелось оправдаться перед товарищем.

– Знаешь, Тышка, я почему-то не люблю всех взрослых, не верю им, – сказал Павлик... И в памяти его промелькнул образ отца.

Казалось, эти слова не имели отношения к разговору, но Тышка все понял. «Не верит, а отсюда и неуважение, нелюбовь, грубость», – подумал он и тоже вспомнил красивого голубоглазого полковника и слова матери Павлика, сказанные недавно: «Убил он в сыне веру во все хорошее».

– Ну, это, знаешь, заблуждение! – сказал Тышка. – Вот, например, Павел Семенович (он имел в виду учителя физики) или наш директор Григорий Александрович. Да я тебе десятки взрослых назову!

– Не называй, я и сам знаю, что так. Знаю, а все равно не люблю.

3

Наступила весна – дружная и теплая. В несколько дней отзвенела капель и растаял снег. Казалось, город присел и потемнел. Без белых снежных шапок дома стали ниже и грязнее.

Павлик занимался по целым дням. Он дал матери и Тышке честное комсомольское слово сдать экзамены на пятерки. А Тышка – тот только и жил книгами в эти дни подготовки к экзаменам на аттестат зрелости.

Утром к Павлику прибежал Тышка. От волнения он так путался в словах, что Павлик вначале ничего не мог понять, а когда понял, тоже разволновался.

У Тышки, в его маленькой комнате, Павлика ждал отец. Он приехал сюда в командировку и хотел видеть сына.

– Я не пойду! – сжимая побледневшие губы и отступая назад, сказал Павлик.

– Неразумно! – возразил Тышка.

И Павлик пошел.

Тышка прикрыл за Павликом дверь в комнату и куда-то исчез.

Отец взволнованно поднялся навстречу сыну. А тот растерянно остановился на середине комнаты. С тех пор как ушел отец, оставив в доме ноющую пустоту, перевернув всю душу Павлика, всю его ребячью жизнь, прошло около четырех лет.

Отец был все такой же моложавый красавец, но сейчас он показался меньше ростом – очевидно, потому, что Павлик вырос сам. В отце не было теперь той неотразимой силы повелевать всем и всеми. Каждое движение его губ, головы, руки тогда было законом для Павлика; теперь же он мог спорить и не соглашаться с этим человеком.

Полковник не узнавал своего сына. Перед ним стоял высокий, стройный пятнадцатилетний юноша с фигурой спортсмена, с его – отцовскими – голубыми глазами, но смотревшими вопросительно и настороженно. Упрямый, крепко сжатый рот не дрогнул в приветливой улыбке, не протянулась для пожатия рука с нервно сжатыми пальцами.

«Так вот ты какой теперь стал! Красивый, гордый, – подумал отец. – Вот почему ты не ответил ни на одно мое письмо».

– Сядем, Павел, поговорим! – сказал отец, опускаясь на стул.

Павлик сел на свое любимое место – на ящик, покрытый ковром, спускающимся от самого потолка. Он повернулся к отцу в профиль и опустил голову.

– Ты не отвечал на мои письма. Но все же я следил за тобой и сейчас в курсе всей твоей жизни. – Отец говорил медленно, подбирая слова, не спуская глаз с сына. Ему нравились мягкие линии лба, носа, подбородка юноши. Лицо выражало волю и упорство. – Ты чуждаешься меня, Павел, – продолжал отец, – но вспомни – ты сам пожелал остаться с матерью. Ты бы мог жить там, со мной, в Ленинграде... Ты и сейчас можешь приехать ко мне, если захочешь.

На скулах Павлика пробежали желваки, губы дрогнули.

– Я этого не хочу! – тихо, но твердо сказал он.

– Ну, кончай школу здесь. Учиться дальше будешь в Ленинграде.

– Я не поеду в Ленинград! При живой маме мне мачеха не нужна!

– Павел, не забывай одного, – вспыхнув, сказал отец, – ты еще мал осуждать мои поступки!

Сын еще ниже опустил голову, точно боялся, что не сдержится и наговорит отцу грубостей.

– Я был вчера в школе. Там тобой не очень довольны, – переменял полковник тему разговора.

– Я знаю.

– Ты можешь быть первым...

– А я не хочу быть первым...

Разговор не получался. Полковник встал и попытался пройти по маленькой, заставленной вещами комнате, но пространства было слишком мало.

Павел тоже встал.

– Я могу идти? – спросил он изумленного отца и, не дождавшись ответа, сказал: – До свиданья! – Не оглядываясь, он почти выбежал из комнаты.

Полковник тяжело опустился на стул. Впервые за все четыре года он почувствовал, что потерял сына безвозвратно.

Он дождался прихода Тышки и ушел, оставив на столе фотоаппарат, коричневый физкультурный костюм и пачку денег.

Прижимая к груди свертки, Тышка помчался к Павлику.

Павлик лежал на кровати.

– Убирайся отсюда вместе с этим барахлом! – закричал он, вскакивая и открывая двери.

Тышка вылетел на лестницу и растерянно побрел домой.

Вечером он снова робко постучался к Павлику.

Павлик все так же лежал на кровати, бледный, с покрасневшими глазами.

– Вот тышел опять, – осторожно начал Тышка, складывая свертки на пол.

Павлик устало махнул рукой:

– Не надо мне его подарков!

– А мне-то тем более! – обозлился Тышка. – Я-то вообще в этой истории как петух во щи! – Тышка очень любил русские пословицы и поговорки, но всегда перевирал их. – Таскаюсь целый день с полным карманом денег, со свертками! – возмущался он. – Ну не хочешь брать – отошли обратно, а я-то тут тычем?.. И не терзайся, пожалуйста! – с жалостью поглядел он на товарища. – Не хочешь отца – плюнь и не терзайся. А я пойду. Ты один поразмысли – это хорошо в таких случаях побыть одному. А потом ко мне приходи.

И он ушел. А Павлик, устремив взгляд в потолок, с нежностью подумал о своем верном друге, и на сердце его стало теплее и спокойнее. Он подумал о том, какое большое место в его жизни занимает Тышка. И заранее испытывал горькое чувство оттого, что осенью его друг уедет учиться в консерваторию.

4

На другой день в школе проводили традиционную линейку, посвященную «Последнему звонку для десятиклассников». На всю жизнь со всеми подробностями остался в памяти Павлика этот ясный, безветренный весенний день.

Лучше бы в этот день жестокая болезнь приковала к постели Павлика или Тышку, лучше бы поссорились друзья и разошлись на всю жизнь, никогда больше не встречаясь... Но не случилось ни того, ни другого.

По дороге в школу Павлик увидел, как два мальчугана натравливали на котенка собаку. Котенок выгибал спинку, мяукал, густая рыжая шерсть его топорщилась. Он пытался бежать, но мальчишки со смехом ловили его и снова подбрасывали к сердито лающей собаке.

Павлик подскочил к мальчишкам. Наградив обоих крепкими тумаками, он взял котенка на руки и подумал: «Кому бы отдать его?» Но улица была пуста, и он сунул котенка за пазуху.

Павлик вбежал в ворота школы, когда на просторном дворе широким квадратом уже выстраивались ученики. Впереди белели передники, ленты и воротнички малышей. За ними ряд за рядом все выше и выше поднимался 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й классы. Отдельно, в центре квадрата, стояли десятиклассники – одни мальчики, потому что это был первый год совместного обучения, и десятиклассников он не коснулся. Они стояли молчаливые, немного взволнованные, уже на отшибе от всех школьников – полуребята, полувзрослые. Поэтому наблюдательные первоклассники и называли их «дядями».

Павлик поспешно влился в шеренгу своих одноклассников, неудобно прижимая к груди маленький теплый комочек под рубашкой. Котенок сладко мурлыкал, изредка впиваясь в тело острыми коготками.

Павлик сразу же нашел глазами Тышку. Тот стоял первым на правом фланге, подняв курчавую голову. Глаза у него были прищурены, как всегда в минуты волнения, вытянутые руки прижаты ладонями к бедрам. Он увидел Павлика, чуть заметно кивнул ему головой и улыбнулся.

Во дворе, где обычно летал через сетку волейбольный мяч, странно было видеть нарядный стол, накрытый красной скатертью. За столом стоял директор – Григорий Александрович, мужчина средних лет, небольшого роста, с худощавым выразительным лицом, с пристальным взглядом серых глаз, о которых ребята говорили между собой, что они «видят на три аршина в землю».

Спокойно и вместе с тем торжественно директор приподнял руку и негромко приказал:
– Внести школьное знамя!

В открытом окне школы радиолоа заиграла марш.

Генка Соловьев вынес знамя с золотой бахромой и замер с ним на середине двора.

Павлик попробовал встать по стойке «смирно», но, как только он опустил руки, теплый комочек покотился под рубашкой; он бороздил когтями кожу и отчаянно пищал.

Веселое волнение пробежало по ряду восьмиклассников.

– Кто, чей, откуда? – слышались вопросы любопытных.

К всеобщему восторгу, из ворота черной курточки Павлика выглянула усатая зеленоглазая мордочка котенка.

В то время, когда восьмиклассники занимались котенком, к столу вышла смешная круглоглазая первоклассница с тонкими хвостиками кос, торчащими в разные стороны, и, запинаясь, заученными словами поздравила десятиклассников с окончанием школы.

Над городом поднялось солнце, залило ласковым светом двор, заиграло золотистыми кистями школьного знамени и светлым пятном легло на лицо Григория Александровича.

Он смотрел на десятиклассников, думая с гордостью: «Вот каких орлов вырастил! – и с грустью от неумолимого бега времени: – Еще десять лет миновало». Взгляд его остановился на Тышке. Он помнил, как десять лет назад его, маленького, худенького мальчика, привела за руку мать. Он совсем плохо говорил, и несколько лет подряд с ним занимался школьный логопед. Теперь Тышка выше всех в школе, развернулся в плечах, похорошел.

– Сегодня последний раз прозвучит для вас школьный звонок, – медленно, разделяя слова, сказал Григорий Александрович. – Вы кончите школу и разойдетесь в разные стороны...

Одна из матерей, присутствовавших на линейке, громко всхлипнула. Кое-кто из ребят улыбнулся, но большинству было понятно волнение матери, и ребята зашикали на весельчаков.

Свое выступление Григорий Александрович закончил стихами:

Куда бы нас Отчизна ни послала,
Мы с честью дело сделаем свое:
Она взрастила нас и воспитала,
Мы все сыны и дочери ее.

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые,
Руками золотыми назовет.

Павлик глядел на Тышку. Тот стоял все так же щурясь, вытянув руки, и все время нервно шевелил длинными пальцами, точно играл какое-то музыкальное произведение.

К столу вышел светлоголовый приземистый десятиклассник, и его мать, вытирая глаза, поспешила скрыться за спинами ребят.

– Десять лет назад я пришел в эту школу вот таким же маленьким мальчиком... – начал он и показал на стоящего с краю в первом ряду широколицего курносого мальчугана.

Тот покраснел словно рак, точно сделал что-то очень плохое, и не поднимал головы, пока говорил десятиклассник.

Григорий Александрович некоторое время помолчал, затем сказал негромко:

– Ученик восьмого класса «А» Павел Огнев, подойди сюда.

Павел вздрогнул, с недоумением взглянул на товарищей.

У всех восьмиклассников сразу же мелькнула мысль: «Опять натворил что-то!»

«Будто бы ни в чем не виноват», – с тоской подумал Павлик.

– Давай котенка! – протянулись со всех сторон руки товарищей.

Павлик торопливо полез за пазуху.

– Здесь Огнев? – подождав, спросил директор.

– Идет! – воскликнул староста 8-го «А».

Котенок провалился в самый низ рубахи и тихо сидел там, придерживаемый тугим поясом.

Павлик махнул рукой товарищам: дескать, не беспокойтесь, не заметят, и, придерживая котенка, подошел к столу.

Григорий Александрович внимательно поглядел на мальчика. Ему была известна вчерашняя встреча сына со своим отцом. Утром в школу приходила мать Павлика. Она рассказывала, как мальчика взволновала эта встреча. Сейчас он выглядел больным – был бледен, вял, у глаз легли темные тени.

– Дирекция школы, – сказал Григорий Александрович, – выносит благодарность ученику восьмого класса «А» Павлу Огневу за спасение утопающего ребенка на реке Быстрой в прошлое воскресенье...

Павел вспыхнул, опустил глаза.

– Павел Огнев, спасая девочку, рисковал жизнью... – Григорий Александрович протянул руку, и Павел неумело пожал ее.

Придерживая завозившегося котенка, под бешеные аплодисменты товарищей, Павел смущенно побрел на свое место.

Тышка переглянулся с Генкой Соловьевым. И взгляды их выразили изумление. Ни тот, ни другой ничего не знали о происшествии на реке Быстрой.

Тышка помнил, что в воскресенье вечером Павлик ненадолго забежал к нему. Был он необычно оживлен и разговорчив. Он тогда говорил, что с ребятами из другой школы катался на лодке по реке Быстрой, но ни слова не сказал о девочке.

Дождавшись тишины, Григорий Александрович подал знак.

На середину двора вышла тетя Груша. Ее трудно было узнать. Величественно подняв голову, в ослепительно белой косынке и в новом белом халате, она скорее походила на хирурга, приготовившегося к ответственной операции, чем на школьную сторожиху.

Тетя Груша подняла над головой звонок. Но что это был за звонок! Первоклассники как зачарованные смотрели на него. От звонка по всей руке до плеча тети Груши спускались разноцветные ленты: зеленые, голубые, красные, желтые, розовые. Лентами были перевиты первые весенние цветы – ярко-сиреневый багульник и желтые мохнатые головки подснежников.

Павлик нагнал Тышку около библиотеки, когда тот поднимался по широким каменным ступеням.

Солнце совсем по-летнему заливало улицы. На голых ветках тополей с распускающимися почками перекликались птицы. С крыльца библиотеки видна была река; она сверкала на солнце зеленоватыми искрами.

– Тышка! Махнем на пару часов на остров! – умоляюще сказал Павлик, заранее предвидя отказ. – Постреляем в цель.

– Какой там остров! Нет, друг, не до острова нам с тобой теперь... А что же ты ничего не сказал мне про девочку? Скромничаешь?!

И Тышка, прижимая к себе кипу книг, перешагивая через ступени, стал подниматься к дверям библиотеки. А Павлик неторопливо побрел вниз.

Вот тут бы им и расстаться! Но оба они обернулись, встретились взглядом, и Тышке стало жаль Павлика. Ему вспомнилось вчерашнее свидание Павлика с отцом, растерянность Павлика, его покрасневшие глаза. Тышка видел, что и сегодня Павлик еще не пришел в себя. И Тышка решил, что на часок можно оторваться от занятий, а вечером со свежей головой нетрудно будет наверстать потерянное время.

– Ладно, готовь лодку и через час заходи за мной! – весело крикнул он. – Да к нам забеги – ружье мое захвати!

День этот был поистине золотым весенним днем. Столько было в нем света, столько тепла и ласки! Маленький остров, уже свежebarхатный от пробившейся зеленой травы, блестел под солнцем. Непокойными сине-зелеными струями огибала его прозрачная река. Несмотря на тепло, на яркое солнце, с северной стороны острова, под высоким яром, лежали прозрачные ледяные волокна снега. С чистым приятным звоном они под ногами осыпались в воду.

По реке бежали моторные лодки, ритмично постукивая моторами, оставляя за собой синие колеблющиеся хвосты. Как стрелы, разрезали воду легкие байдарки. Подавшись впе-

ред, бесшумно взмахивая веслами, сидели в них девушки и юноши, наслаждаясь теплом весеннего дня.

Изредка мощный крик парохода оглашал реку и берега. Пароход проплывал совсем близко от острова – белый и гордый, как лебедь.

На этот излюбленный друзьями остров в тот день никто, кроме них, не приплыл. Они пробыли здесь больше часа, посидели у костра, с наслаждением вдыхая запахи легкого едкого дымка; постреляли в корягу, торчавшую из воды. И Тышка ни разу не промахнулся. А Павлик был рассеян и стрелял плохо.

Надо было отправляться в обратный путь.

Павлик вскочил в лодку и стал отталкиваться веслом, а Тышка стоял одной ногой на берегу, другой на камне в воде, сдвигая лодку. Лодка закачалась.

– Прыгай! – крикнул Павлик, садясь на весла.

– Постой! – оживленно воскликнул Тышка. – Давай ружье. Оглашу остров прощальным салютом.

Он по-прежнему немного боком стоял перед лодкой – одной ногой на земле, другой на камне. За плечами у него зеленел молодой покров острова, над головой голубело небо. Легкий ветер шевелил его короткие курчавые волосы. Лицо разгорелось на ветру, задорно блестели глаза.

В этот момент вблизи пробежала моторка, лодку качало и повернуло от берега.

Павлик быстро вскочил, стараясь соблюдать равновесие, и подал Тышке ружье.

– Ну, невнимательный же ты сегодня! Тоже охотник... Кто же так подает...

Видимо, Тышка хотел сказать, что дуло надо было отвести в сторону, но он не успел договорить. Лодку качнуло. Крюк от весла задел за курок.

В мире была мертвая тишина, когда раздался этот зловещий выстрел.

Тышка изумленно взглянул на друга, схватился за бок, молча и медленно присел и ничком повалился на камни.

Глава вторая

1

Мать поднимается по лестнице и видит открытую дверь. Она теперь, так же как сын, пугается всякой неожиданности.

– Что же случилось? – шепчут ее бледные губы.

Она вбегает прежде всего в комнату сына. Павел спит на кровати, одетый, в ботинках – это так не вяжется с его обычной аккуратностью. Лицо его спокойно. Сон глубокий.

Пусть спит. В эти два месяца у него часто путается день с ночью. Он засыпает днем коротким тревожным сном, а ночью ходит по комнате, пытаясь заниматься, читать. Его охватывает то отчаяние, то равнодушие и вялость, которые страшнее любого проявления горя.

Внимание матери привлекает небольшая белая бумажка на столе. Повестка...

Павел спит вечер, спит ночь. Не раз мать тревожно подходит к кровати. Но он не мечется, не стонет, не разговаривает, как все это время. Он спит безмятежно, по-детски, спокойно и крепко.

Мать плачет над кроватью сына.

Ночью она стряпает любимые Павлом пирожки с мясом, складывает их в мешочек, завертывает в бумагу пару теплого белья...

Как и Павел, она боится завтрашнего дня, но в то же время ей хочется, чтобы он скорей наступил, появилась какая-то ясность в жизни. Пусть хоть бремя ожидания суда свалится с плеч Павла. Тяжело еще и то, что мать Тышки совершенно не желает видеть Павла. Ведь роковая случайность сделала его виновником Тышкиной смерти. Павел, так же как Тышкина мать, искренне и глубоко оплакивает своего друга. Как и у нее, рана эта останется у Павла на всю жизнь. Кому же, как не Павлу, в эти тяжелые дни нужно было именно ее участие, ее ободряющее слово! Но мать Тышки не хочет видеть Павла. Она чувствует к нему непримиримую ненависть. Она не захотела, чтобы он был на похоронах сына, и Павел стоял на углу, прячась в толпе, когда повезли хоронить его друга Тышку.

Григорий Александрович перевел Павла в другую школу, чтобы ничто не напоминало ему о Тышке, чтобы его новые товарищи не знали, какое страшное несчастье случилось с мальчиком.

Мать Павла сидит измученная, побледневшая, опустив на колени бессильные руки.

Павлику тяжело даже выйти из дома. Соседи показывают на него пальцами. На днях, в ясный полдень, мать почти насильно отправила Павла на улицу. Он вышел и сел на скамейке возле клумбы. К нему подбежала соседская девочка в красном коротком платьице, с красными бантиками над розовыми ушками, в красных туфельках, и Павлик, улыбаясь, сказал ей:

– Стала на цветочек девочка похожа...

Он очень любил маленьких.

Ему было так хорошо стряпать с малышкой глиняные булочки и складывать их на скамейку – сохнуть под солнцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.